

„Мне очень больно подумать, что в последний бой с фашизмом я не смогу занять своего места в боевой цепи!“

Так, в своем удивительном по искренности письме к любимому Сталину, пишет молодой, жизнерадостный человек, страстный большевик и талантливый писатель Николай Алексеевич Островский. Жизнерадостный, но — слепой... Тяжелая, безжалостная злодейка-болезнь сковала навеки его руки и ноги, навсегда привязала к постели...

А как недавно было то время когда молодой комсомолец — конник летал на коне в славной дивизии Котовского, дрался с бандами, белометцами и белополяками. Он не жалел себя, Николай Островский, его конь был всегда впереди. И вот под Львовом шрапнельный снаряд контузил боевого красноармейца — с этого началась роковая, непоправимая болезнь...

Это трудно представить. Это — тяжело видеть. Но нет сил вообразить в этом положении себя! Тридцатилетний человек потерял оба глаза, его тело разбил паралич. Болезнь сковала руки и ноги, но не сковала волю и мозг! „Нет таких крепостей, которых бы не могли взять большевики“, — говорил Иосиф Виссарионович Сталин. На примере Николая Островского справедливость этих слов находит замечательное подтверждение. Молодой рабочий парень берет с помощью своих товарищей за учебу, поистине с титаническим упорством он отвоевывает от науки все, что можно и вот сейчас он — писатель, награжденный высшей наградой Советского Союза — орденом Ленина.

„Как закалялась сталь“ — он назвал свою первую книгу. Она достойна своего названия. Это — повесть о том, как росли и воспитывались большевики — победители и стратосферы, широт и глубин, люди, принесшие счастье на одну шестую часть земного шара. Как живых видит читатель Павла Корчагина и Сережу Брузжак, с детства научившихся ненавидеть врага, видит скромную, но гордую, погибшую на виселице Валу Брузжак, представляет себе целую галерею типов молодежи, выведенную Николаем Островским. Наш пролетарский читатель видит в Павле Корчагине самого себя, видит своих героических отцов, отдавших жизнь за революцию, видит свой класс.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
**УДАРНИК
СТАЛЬ**

№ 77 (170) 11 октября 1935 г. № 77 (170)

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Революция живет и побеждает

Произведение Островского „Как закалялась сталь“ мне очень понравилось. Островский хорошо и ясно рисует Украину периода немецкой оккупации, петлюровщину, Украину большевистского подполья. Немцы и Петлюра, чувствуя что недолго будут царствовать, опоясали Украину виселицами.

В этой тяжелой, героической борьбе Островский хорошо показал участие молодежи. Несмотря на возмущения своих родных, рабочие подростки с первыми раскатами революции идут на фронт защищать ее. Многие гибнут в этой борьбе (Валя и Сережа Брузжак и др.), многие, как Павел Корчагин, становятся калеками, но революция, все равно, живет и побеждает. Вот в чем основная мысль книги „Как закалялась сталь“, вот почему она мне понравилась, Работница электростанции **А. Дубровина**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОЮЗА ССР**

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

наградить орденом Ленина писателя Островского Николая Алексеевича, бывшего активного комсомольца, героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма, автора талантливого произведения „Как закалялась сталь“.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **Г. ПЕТРОВСКИЙ.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. АКУЛОВ.**
Москва, Кремль. 1 октября 1935 г.

**Приветствие писателя Н. А. Островского
товарищу СТАЛИНУ**

Я хочу сказать Вам, вождю и учителю, самому дорогому для меня человеку, эти несколько пламенных от всего сердца слов.

Правительство наградило меня орденом Ленина. Это высшая награда. Меня воспитал ленинский комсомол, верный помещик партии, и пока у меня бьется сердце, до последнего его удара вся моя жизнь будет отдана большевистскому воспитанию молодого поколения нашей социалистической родины.

Мне очень больно подумать, что в последних боях с фашизмом я не смогу занять своего места в боевой цепи. Жестокая болезнь сковала меня. Но с тем большей страстью я буду наносить удары врагу другим оружием, которым меня вооружила партия Ленина-Сталина, вырастившая из малограмотного рабочего парня советского писателя.

Островский

НА СНИМКЕ: Часть строительства апатитовых рудников им. КИРОВА.

СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

В 1904 году в местечке Шепетовка, Изяславского уезда, Волынской губернии, в семье рабочего родился Николай Алексеевич Островский. В раннем возрасте он лишился отца. Семья перебивалась на заработке матери и старшего брата Артема, слесаря железнодорожного депо.

В 1915 году Островский изгоняется из церковно-приходской школы за вечные нелады с попом и с большим трудом устраивается на работу в станционном буфете. С 1915 по 1919 год Островский работает кубовщиком, рабочим

материальных складов, подручным кочегара на электростанции, а в 1919 вступает в комсомол, в ряды бойцов за освобождение родной Украины от немецких и польских оккупантов.

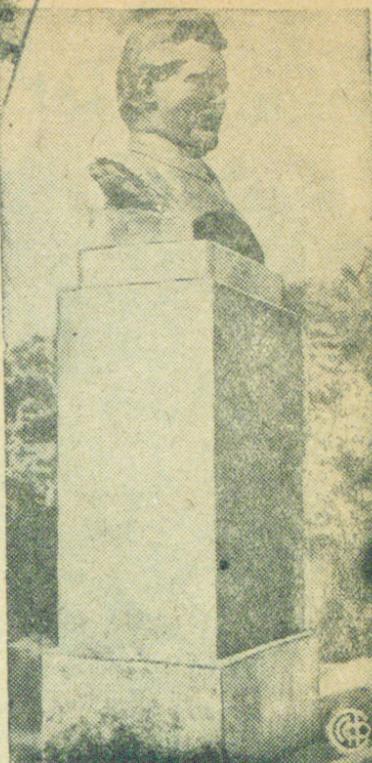
Николай Островский — отважный кавалерист конных частей Котовского и Буденного. Перенес ранение и контузию, он демобилизуется лишь по окончании гражданской войны. В 1921 году работает в Киеве, в главных железнодорожных мастерских, а в 1922 году — на ударном строительстве железнодо-

рожной ветки. Здесь он захворал тифом, давшим осложнение на еще неокрепший после ранений организм.

В 1924 году — вступление в партию, руководящая работа в комсомоле — секретарь райкома, член бюро окружкома.

В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем Н. Островский отзывается в распоряжение ЦК комсомола Украины. Сделано было все, чтобы вылечить Островского и вернуть его на работу, но это в полной мере не удалось.

Из ЦО „Правды“

Бюст С. М. Кирова в Центральном парке культуры и отдыха в Ленинграде.

**Как работает
Н. А. Островский**
Сочи... Южный берег
Крыма.

Здесь живет писатель Н. А. Островский. Партийные, советские и литературные организации окружили его всемерным вниманием и любовью.

Недавно бюро Сочинского горкома партии, выехав на квартиру писателя, заслушивало его творческий отчет. Одобрив его работу над книгой „Рожденные бурей“ оно предложило ему уйти немедленно в месячный отпуск и разгрузить свой рабочий день.

И вот теперь Николай Алексеевич отдыхает. К нему ежедневно приходят десятки поздравительных писем, очень часто его навещают делегации.

Интересен метод работы Н. А. Островского над произведениями.

Он их диктует, затем ему перечитывают написанное, он вносит необходимые поправки и т. д. Недавно ему привезли диктофон — прибор, автоматически записывающий слова писателя.

Николай Алексеевич, несмотря на болезнь, неизменно — жизнерадостен.

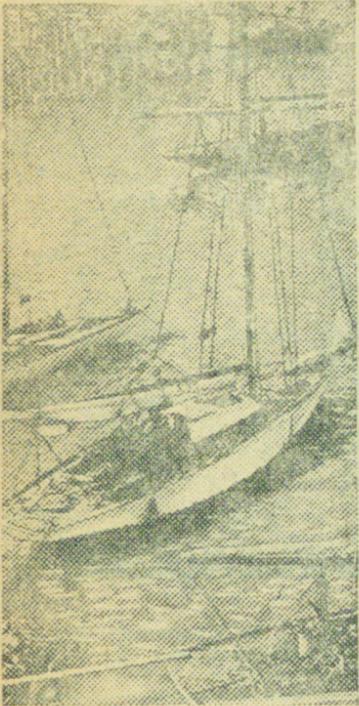
— Я хочу, я обязан прожить еще три года, чтобы дать нашему юношеству одну — две книги, — говорит он. Вот почему я так работаю, много читаю и учусь. Для меня качество второй книги — дело чести!

**Кинофильм
„Как закалялась
сталь“**

Писатель Н. Островский и кинодраматург Зац закончили либретто сценария звукового художественного фильма „Как закалялась сталь“ по одноименному роману Н. Островского.

Сценарий будет готов в ноябре. Снимать картину будет первая одесская комсомольская кинофабрика „Украинфильм“.

ГЕРОЕВ РОЖДАЕТ БУРЯ

Рыбачьи лодки на стоянке

Провести литературный вечер

С большим удовольствием я прочел 1-ю часть книги Николая Островского „Как закалялась сталь“. Нашей молодежи книга очень полезна—в ней описано, как зарождался комсомол, как жили и боролись молодые рабочие в годы гражданской войны.

В книге многое из жизни самого Николая Островского. Вот действительно прекрасная жизнь. Героически боролся он на фронтах, а когда болезнь приковала его к постели, Островский не сдался и борется за дело революции новым оружием—пером. Наше советское правительство ценит лучших людей страны и вот на груди Островского заслуженно блестит орден Ленина.

Монтер ЦЭС Магалиф

Учить молодежь коммунизму

Героический пример Николая Островского, потерявшего зрение и возможность передвигаться, но находящегося в первых рядах борцов за социализм—лучший пример для всего ленинского комсомола. В своей книге „Как закалялась сталь“ в художественной форме, простым языком он выразил историю возникновения комсомола, показал его рядовых, но героических организаторов—Павла Корчагина, погибших от руки врага Сергею и Валею Брузжак и других. Эта книга—большой вклад и в художественную литературу и в коммунистическое воспитание молодежи.

Исходя из этого, комитет комсомола Гдовских сланцевых рудников им. Кирова предлагает всем комсомольским организациям начать коллективное чтение книги „Как закалялась сталь“ по комсогруппам.

25 октября комитет комсомола организует общешкольный комсомольский диспут об этой книге Николая Островского (тов. Смутный и Чудинов).

Чтение книги „Как закалялась сталь“ должно быть организовано так, чтобы оно способствовало политическому росту молодежи и воспитанию ее в духе коммунизма.

Комитет ВЛКСМ

Непобедимое, неумирающее племя

Я оказалась одной из счастливых читателей нашей библиотеки—я прочитала обе части книги „Как закалялась сталь“. Она произвела на меня огромное впечатление.

Павел Корчагин еще будучи ребенком всегда являлся заводилой среди детей рабочих. Он—смел и уже научился понимать разницу между жизнью рабочей семьи и богатых соседей Лещинских. Поэтому он не дружит с Виктором Лещинском, не любит попа и вообще богатых. Павку выгоняют из школы...

После этого у него начинается обыкновенная жизнь рабочего подростка—мальчиком при буфете, затем—мастерская и т. д. Везде—издевательства, побой. Но Павка не сдаётся, он читает рабочим книги „Овод“, „Гарибальди“ и другие, учит ненавидеть хозяев.

Только грянула революция—Павка Корчагин идет на фронт. Ни опасности, ни ранения—ничего не останавливает его.

Таким же, до конца отдающим себя делу коммунизма, остается Павел и после окончания гражданской войны. Вот над городом нависла опасность голода и отсутствия дров. А сзади, в тылу—банды... И здесь в этих кош-

марных условиях работы—Павел в первых рядах.

Здоровье Павла не выдержало—он заболел тифом. Его по ошибке даже считают мертвым, но он—жив. Он продолжает жить и бороться, перевоспитывает свою жену, даже будучи слепым. Павел Корчагин это—живой тип непобедимого, неумирающего племени большевиков.

В. Копылова

Валя Брузжак—героиня!

Я смогла прочесть только первую часть книги Николая Островского „Как закалялась сталь“. Но уже и сейчас эта книга меня глубоко впечатлила. Мне очень понравился ее главный герой—Павел Корчагин—смелый, жизнелюбивый комсомолец.

Но я хочу отметить и недостатки. Первоначально Павел, будучи в Красной армии, находился в разведке. Но здесь ему не понравилось, он решил перебежать в героическую Первую конную и, несмотря на предупреждения това-

Достаньте эту книгу!

Я много слышал о книге „Как закалялась сталь“. О ней говорили знакомые ребята, ее непрерывно спрашивали читатели, когда я приходил в библиотеку. Я тоже не один раз спрашивал ее, но всегда уходил ни с чем. Библиотекарь неизменно отвечала:

— Книга взята...

Так я и не смог прочесть „Как закалялась сталь“.

С большой радостью я прочел недавно в газетах о награждении автора этой книги писателя Островского орденом Ленина. На примере таких людей мы должны учиться и Николай Островский вполне заслужил эту награду. Я никогда не думал, что писателем может быть слепой и разбитый параличом человек. Люди могут иметь такую волю, только будучи большевиками.

Своей рудничной библиотеке я хочу предъявить счет. Надо больше достать экземпляров этой книги, чтобы ее прочел каждый.

Вагонщик Ефимов

А. Толстой — автор исторического романа „Петр первый“ член делегации советских писателей и журналистов, уехавших в Чехословакию.

Советские журналисты и писатели в Чехословакии

30 октября в 22 ч. 45 мин., с Белорусского вокзала выехала в Прагу делегация советских журналистов и писателей во главе с тов. Михаилом Кольцовым.

В состав делегации, приглашенной союзом чехословацких журналистов, входят: от „Известий ЦК СССР и ВЦИК“—тов. В. В. Осинский, от „Правды“—тов. И. В. Боговой, от „За индустриализацию“—тов. Г. О. Васильковский, от ТАСС—тов. И. А. Ковальский, от „Вести ВУЦИК“—тов. Ф. Таран, от „Литературной газеты“—тов. С. М. Третьяков, писатели Алексей Толстой, А. Фадеев, Анна Караваева, И. Микитенко и Янка Купала. Делегацию сопровождают пом. зав. отделом печати НКВД тов. Б. М. Миронов и секретарь чехословацкой миссии ЦК. Мельч.

2 октября в честь отъезжающей делегации чехословацким посланником г. Богданом Павлу был дан прием.

Н. ОСТРОВСКИЙ

РОЖДЕННЫЕ БУРЕЙ

Награжденный орденом Ленина писатель Николай Алексеевич Островский работает сейчас над большим романом „Рожденные бурей“.

В данном отрывке из этого романа показан эпизод из отношений между молодым подпольщиком Раймондом Раевским, малоразвитым, но закаляющимся в борьбе рабочим Андреем Птахой и его любимой девушкой Олесей. В доме ее отца машиниста Ковалло собираются революционные рабочие, созванные членом ЦК компартии Польши Раевским.

Раймонд следил за подхваченным к будке парнем. Тот шел прямо по насыпи. Ветер доносил обрывки песни:

Ты навек моя коханна. Смерть одна разлучит нас!

Было холодно, но ватная куртка на парнишке жирко распахнута. Раймонд узнал его. Это был Андрей Птах, кочегар из котельной сахарного завода.

Теперь Раймонда тревожило лишь одно—куда шел Птах.

— Эй Андрия!

Птах обернулся, удивленно посмотрел на Раймонда, неизвестно откуда взявшегося, и пошел ему навстречу.

— Ты куда, Андрия?

— Я к Григорию Михайловичу. Вон, внизу его домишко.

— А что ты там делать будешь?

— Делать? Хм... Да все одно и то же. Птичка у него есть занятая... Так вот я всегда по воскресеньям хожу ее слушать.

Хорошо поет, шельма!—лучаво улыбаясь, ответил Птах и крепко сжал Раймонду руку.—А ты чего здесь?

— Я? Так. Случайно забрел. Никогда не был в этих местах, захотел поглядеть,—замаялся Раймонд.

Птах перестал улыбаться. Серые решительные глаза его недоверчиво смерили Раймонда. Он рывком нахлоснул шапку до самых бровей.

— Захотел поглядеть? Видел я таких рабчиков!—И, сердито насупившись, добавил:—Лучше будет тебе другое место выбрать. Здесь уже смотрено, понял?

— Ничего не понял!

— Ну, тогда не обойдется без драки!

— Драться? Из за чего? Похоже, что ты выпил сегодня...

Неизвестно, чем бы окончился этот разговор, если бы звонкий девичий голос не позвал снизу:

— Андрия!

Оба оглянулись. Внизу у домнея, на цементированной площадке водяной камеры стояла Олеся. Птах несколько секунд постоял в нерешительности. Затем, сдвинув шапку на старое место, стал спускаться. Пройдя несколько шагов, остановился и, глядя не на Раймонда, а куда-то в сторону, сказал:

— А ты все же высматривай себе в другом месте. А то хотя ты парень и свой, а морду набью, понял? Олеся нетерпеливо ждала, когда Андрия подойдет к ней.

— Ты о чем с ним говорила?—в упор спросила она Андрия, не дав ему даже поздороваться.

— Так... о родственниках... Евойной папаша и моя бабушка—двоюродные знакомые... А ты что, с ним в гляделки играешь? Чего же на холоде—в хату не зовешь? Я хотел ему нагнать жару, да ты...

Андрия внезапно смолк. В сощуренных глазах де-

вушки было столько холода, что ему стало не по себе.

— А еще что?

В этом вопросе Птах уловил нескрываемую угрозу. Коса нашла на камень.

— Еще что? — Олеся ступнула каблучком о бетон.

— Еще я сказал ему, чтобы он проваливал отсюда к чертовой бабушки, поняла?

Андрия решил, что день все равно испорчен, и шел напролом.

— Какой осел! Какой осел! Что теперь человек подумает?—шептала она.

— Уйди с глаз, противный.

Олеся отвернулась. Андрия не знал, как помириться с ней. Он чутьем понял, что Раймонд пришел сюда не на свиданье. Олеся тогда вела бы себя иначе.

— Закурить с горя, что ли? грустно сказал он и полез в карман за табаком. Пальцы наткнулись на сложенную бумагу. Он вынул

История с зонтиком

ОТРЫВОК ИЗ НОВЕЛЛЫ

Юный художник

Мысль одна: „Лишь бы выбраться...“ Она билась в голове, как подбитая птица стучится о прутья клетки—до крови, до последнего вздоха. Привычными взмахами рук Гриша устремился вперед. Но внезапно он почувствовал тяжесть в левой руке, она только мешала плыть. Что это? Ах, да... этот рванный зонтик! Он подводит и здесь,—Гриша размахнулся и, насколько хватило силы, забросил его на среднюю реку.

— Подарок от царя Гороха...— сердито выдавил он. Такой и бросить не жалко. Вот тоже лучше купить не может... — выходя из воды, с удивлением подумал Гриша про мать.

Вышел на берег, выжал галстук и синие трусы, бросил взгляд на мост—она! Его упрямый, мальчишеский взгляд встретился с ее безучастным, остановившемся в одной точке взором. Понял — напугал он мать. Подошел к ней и тихо сказал:

— Пойдем, мама... По лицу ее пробежала слабая улыбка. Она педала руку сыну и пошли они медленно и ровню, провожаемые десятками участливых взоров. В предвечерней тишине росли звуки шагов а сын молчаливо слушал беззвучный шопот матери: — Я так боялась за тебя... так боялась...

Как гигантская рука между высокими берегами протянулся широчайший, деревянный мост. На одиннадцатиметровой глубине под ним спокойно, в сознании своей силы, текла река. Но упрямые голубые воды почтительно раступались, ударившись о мощную, острую грудь быков моста. С высоких, отвесных берегов кой—где свешивались прямо в воду кусты, кругом свозь серые десны берегов, выглядывали и играли на солнце ослепительно белые, известковые зубцы.

Мало людей на мосту. Только по деревянному его настилу прогрохотала нагруженная телега, а на ней широкобородый старик, погоняя лошаденку вкнутом, усмехнулся в ус и прокричал неизвестно кому:

— Чаво это ты, парень, в такое ведро маткин зонтик вял? А? Не пророчь, не пророчь дождя... Эй, милая...—вкнутом ударил он лошадь снова и примирительно бормоча что те себе под нос, прогрохотал на телеге прочь.

С кем этот старик говорил? Я не вижу на мосту ни одного человека. Или может быть сам с собой?.. Ах, нет!—Из под моста, вися над пропастью, вылезал смуглолицый, гладкостриженный паренек лет двенадцати. Он был без рубашки и в одних синих трусах, а в левой руке держал черный зонтик. Зонтик был хорошо отделан, резная белая косяк его ручка горела на солнце. Видно было, что зонтик этот—давнишней работы и представлял для хозяйки его большую ценность.

Гриша вылез и встал у перил моста, серьезными глазами оглядывая реку. Она тянулась перед ним нескончаемой стальной лентой конвейера, такого, какой они они прошлой зимой строили в школьной мастерской. Гриша, поправил галстук и вытащил из крошечного карманка испачканный листок бумаги. Он ласково потрепал чернополый зонтик ру-

кой, как треплют по морде любимую лошадь, затем бережно свернул и принялся читать листок бумаги. Его глаза быстро бегали от одного края к другому, а радостное лицо с каждой строкой мрачнело. Он бросил тусклый взгляд на реку, на свесившиеся над ней зеленобокые деревья и в отчаянии зашептал:

— Но почему он не написал как, прыгать? Почему не писал?.. Ах, папа, папа!..

Отдаленный разговор заставил Гришу обернуться. По дороге, оживленно разговаривая, шли трое женщин. В средней, ожесточенно жестикулировавшей, он узнал мать. Ольга Ивановна, молодая женщина лет тридцати, была взволнована. С тоскливым выражением на лице, она говорила соседкам:

— Вы понимаете, он мне испортил весь праздник. Завтра мне исполняется тридцать два года, муж поздравление прислал. Весь день и ночь была я занята—стирала белье, готовила угощения для гостей, мыла полы. Понимаете, попросила я его постеречь белье сегодня, а с утра то ветер был большой и, как вы думаете?—Убежал. Убежал... теперь не знаю где,—она всплеснула руками.—Прямо сорвал—голова, парень. Видно в отца уро-

дился... Ольга Ивановна тяжело вздохнула и начала вновь:

— А теперь все белье в пыли перевалялось, полы не домыты и поздравительное письмо мужа утеряно. Но больше всего, знаете что,—она судорожно схватила за руку свою соседку, толстую женщину с корзиной на руке,—потерялся мой зонтик. Помните, я вам о нем как то говорила... Это обиднее всего. Он такой замечательный, так хорошо отделан. Знаете,—ручка из слоновой кости... Мне его еще мать подарила, когда я замуж вышла: „Береги, говорит, материн подарок, это еще твоей бабушки покушка. Он знаменитым немецким мастером Вагнером делан“... И вот пропал, как в воду канул...—Ольга Ивановна округленно покачала головой...

Она подняла глаза и—вскрикнула. Нога подкосилась и ослабшее тело упало на руки женщины,

— Ай, что он делает—?! Что он делает!...—в отчаянии забился о скалистые берега тонкий, женский крик.

Гриша одной ногой стоял на перилах моста другую занес в воздух. Черным куполом над ним по легкому ветру колыхался зонтик. Крик матери словно подтолкнул его. Он сделал ре-

Летом на пляже

е, развернул и еще раз прочел: „Приказ командующего вооруженными силами государства Польского и Восточной Галиции...“

— Ты знаешь, Олеся, твой батька читал эту штуковину? Что он делает? Может мне к нему пойти, раз тебе не по душе пришелся?

— К отцу нельзя—у него гости. Дай сюда!—Олеся взяла из его рук листок.

Приказ был напечатан по польски и по украински. Быстро просмотрев его, Олеся повернулась к Андрию:

— Не ходи за мной, я сейчас вернусь... И побежала к дому. Андрий повеселел. Дела поправились. И он, повернувшись спиной к ветру, на радостях стал крутить огромную цыгарку.

В комнате—напряженное молчание. Раевский медленно и раздельно читал:

— „Параграф первый. Волею польского народа с

сегодняшнего дня вся власть в крае принадлежит штабу легионеров“...

„Видали гада? Залез в Украину и командует именем польского народа!.. возбужденно крикнул Остап Шабель, чернобровый красавец, молотобоец из депо.

— Интересно спросить, когда они польского народа спрашивались?—порывисто поднялся стройный Метельский, и в глазах его полыхнула ярость.

— „Параграф второй. Объявляю в городе осадное положение. Хождение по улицам после семи часов запрещается под страхом расстрела. Параграф третий. Запрещаются всякие собрания, сходки, сборища без моего на то разрешения. Лиц, уличенных в агитации против командования и вновь организованной власти, приказываю расстреливать на месте“.

— Ого?

— Сразу видать волчью хватку!

— Ничего себе „власть польского народа“.

— А этого самого польского народа бояться, как чорта!

— А дальше что там?

— Дальше? „Командование будет вести беспощадную борьбу с коммунистами как с самыми опасными врагами государства Польского. Уличенных в принадлежности к коммунистической партии приказываю немедленно предавать военно-полевому суду с разбором дела в двадцать четыре часа“.

— Это уж паны нас специальные!

— У них недолго проживешь на белом свете!

Чобот свирепо забрался всей пятерней в свои густые волосы.

— Кто это у них такой скорый?—спросил он.

Раевский посмотрел на подпись:

— Полковник Могельвицкий.

На минуту в комнате стало тихо. Раевский положил приказ на стол.

— Я думаю, товарищи, что теперь все ясно?

Легкое движение. Заскрипели стулья, лавки. Кто-то кашлянул. Чобот угрюмо сопел, засмотревшись в окно.

Серьезны рабочие лица. Немножко угрюмы, иногда не по летам суровы. Сильные, со вздутыми жилами руки. Дубленные полшубки, потертые пиджаки. И только Метельский, как всегда, в тройке, с галстуком.

— Что же, можно и разойтись.

И Ковалло встал из-за стола.

— Пожалуй, что и так. —Раевский утвердительно кивнул головой.—Разойдемся. Комитет останется. Начнем действовать.

А когда все встали, добавил:

— На всякий случай приготовьтесь, товарищи.

Ну, понимаете... Всякое может случиться... Мы установим явки, наладим связь с наборщиками и отпечатем воззвание. Пусть народ знает, что мы не спим. А сейчас—всего хорошего! Расходитесь по одному, по два в разные стороны... Товарищ Шабель, останься!

Простились, Раевский подошел к хозяину.

Надо послать ребят в город проведать, что и как. Пусть Раймонд с твоей дочкой сходят.

— Добре, сейчас скажу. Олеся подбежала к Птахе.

— Идем, противный, в город, погуляем, поглядим, что там делается.

Когда шли на гору, она сказала решительно:

— Ты с Раевским должен помириться, иначе я с тобой—никуда! Не был бы балбесом, рассказала бы, почему этот парень здесь.

Тов. СЕРАФИМОВИЧ

АНРИ БАРБЮС

У нас Анри Барбюс известен только как прозаик. Помещаем одно из стихотворений Барбюса, помещенное в „Литературной газете“ № 48(539).

ШВЕЯ

Дождь и блеск... Из желтых туч
Голубое солнце брызжет,
И жемчужный ливень нислет,
На предметы кинув луч...
В мастерской скупой и тесной,
Горбясь, хмуро шьет она,—
Сладко вдруг потрясена
Аркой радуги небесной.
И когда ее края
Развернулись без предела,
Нежный свет пролив,—запела
Песню тихую швея.
О лазури бесконечной,
О сверкающей судьбе...
И сама смеясь себе
Верит песенке беспечной,
Верит в жизнь и красоту
В гармоничность мира верит
И свое бессмертье мерит
Губы нежа на свету.
Позже, ритмом слов старинных
Все полно, — проста, верна,—
В дом родной идет она.
У нею сумрак улиц длинных.
Разнодушной суетой
Стеснена, идет далеко,
Вредь толпы, но одинока
Из-за песенки простой.
Все в мечте непостижимой
Забывает тяжкий труд,
И ее несут—несут
Волны музыки незримой.
Перевел Г. ШЕНГЕЛИ

Двадцатипятилетие смерти Л. Н. Толстого

20 ноября этого года исполняется 25 лет со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.
Страна Советов готовится повсеместно отмечать эту годовщину. В Москве и Ленинграде писательские организации создали комиссии по проведению годовщины. Толстовский музей в Москве готовит выставку на тему „Уход из дома и смерть Л. Н. Толстого“. Совместно с Партиздатом решено переиздать книгу „Ленин о Толстом“. По договоренности с Союзвизхроникой музей готовит короткометражный фильм о последних годах жизни Толстого и похоронах его.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ!

БУДНИ ЛИТКРУЖКА

Так пишет в своем стихотворении „Бригадная“ лучший проходчик второго рудника, стахановец Николай Петров. Это—собственные чувства, которые не сидят, а выпирают из груди наружу и навевали Коле мысль выразить их в стихах. Это—мысли сотен тех, кто волею партии и ленинского комсомола был послан на строительство ленинградской кочегарки. Не мало проходчиков, горняков, строителей и механиков берет за перо. Это Сережа Орешин, это—Леонид Томишин, слесарь Маринский, рабочий электростанции Скульский, рамщик лесозавода Артемов, пожарник Криворотов, их много.

Это коротко, но выразительно иллюстрирует тот факт, что литературу любит наша молодежь, что строители Гдовских сланцевых рудников так-же растут молодых начинающих литераторов. Но заставляют обратить внимание и другие факты и факты довольно тревожные. Большинство литкружковцев чрезвычайно несерьезно смотрят на свою работу. Отсюда вытекает недооценка значения литературной учебы, нежелание работать над собой. Подчас это происходит по причине неуместной скромности и неверия в свои силы.

Проходчик второго рудника Сережа Орешин из номера в номер в своей рудничной стенгазете „Красный горняк“ пишет стихи. Темы стихов—различны. Характерно то, что стихи целиком отданы на службу строительству своего рудника. Они—стегают и бьют недостатки, стреляют без промаха.

От станков, от машин, из заводов
С ленинградских гигантов пришли
На Большие Поля возле Гдова
Где горючие сланцы легли..

— Я буду вести постоянно стихотворный отдел в стенгазете, говорит Сережа.

Вот о крышатах подняли
запрос...
Есть щепка и рабочие были,
Ну а гвозди?..—Что за
вопрос
О гвоздях вот совсем забыли.
Караул жуть кричи, когда
дождик идет,
Решетом протекают все
крыши...
У Ванюшки на тумбочку
лет,
Подтекает под койку у
Гриши.
Говорим мы сейчас о
гвозде,
Обсосали его, как соску.
Почему же вопрос этот
легок везде,
А у нас же в гвоздях и
загвоздка?..

Так пишет Сережа Орешин в „Красном горняке“ № 4 о ремонте домов, который срывается из-за нехватки гвоздей.

Коля Симченко планирует поэмы и... перестал писать стихи (болезнь многих).

Мы не говорим здесь о недостатках его стихов, о них знает и сам Орешин. Но ведь это тем хуже! Это, лучше чем что либо другое говорит о необходимости учебы. А этого еще нет..

Другой „блезнью“ болен староста литкружка второго рудника Коля Симченко. Он так же пишет стихи, задумывает большие вещи, составляет планы, делит на главы и... дальше этого работа над произведением не идет. Дело начинается и кончается „составлением планов“. Достаточно сказать, что, имея силы дать стихи для литературной газеты своего комбината, он до сих пор не написал ни одной строчки. Он остается верен себе—„планирует“ и здесь.

Таковы досадные мелочи, которые мешают учебе. Эти недостатки характерны для многих литкружковцев. Они начинают срывать нормальную работу кружка. Ведь остается фактом, то, что мы несмотря на неоднократные попытки, не можем начать осенне-зимнюю учебу литкружковцев. Два кружка, которые имеются на комбинате,—на опытном и втором рудниках, не работают совместно, а стало быть слабо работают и вообще. Это—основной тормоз нашей работы.

Пора всем литкружковцам уяснить себе то, что великие слова Ленина: „**учиться, учиться и учиться**“ относятся и к нам, и прежде всего — к нам.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ПЕСНЯ О ВОРОШИЛОВЕ

Мы помним степные походы,
Ковыльный пожар по низам.
Сражались рабочие взводы
В отрядах бойцов партизан.
Мы шли сквозь кровавые версты
В разрушенный белыми
Чир...
И рядом с походной повозкой
Шагал боевой командир.
Обветрен походною гарью,
Врагов прорывая кольцо,
Делил он, как верный товарищ,
И радость, и горе бойцов.
Снегами метель порошила,
За Доном гуляла пурга...
Не сдал командир Ворошилов
Донецкие шахты врагам.
Он выучил армию биться
В суровых окопах войны...
Не отдал он Красный Царский
Врагам пролетарской страны.
Мы знаем—крепка наша сила,
И если война впереди,
Нас в бой поведет Ворошилов
— Товарищ, боец, командир!

Гибель сенсации

КИНО

Роскошный бал... В диком вихре тапца кружатся шиварно одетые пары, в воздухе—гомон и звон бокалов. Мысли всех этих разодетых манекенов поглощены одним, это—танцы, бал, вино...

И вдруг их внимание привлекло нечто из ряда вон выходящее. Веселились не все, один скромно одетый молодой человек не участвовал в этом пустом торжестве. Он задумчиво устремил взгляд в одну точку и о чем то сосредоточенно думал. Рюмка вина на его столе была не допята...

На него сразу устремились недовольные лорнеты. Какая то злобствующая пара прошипела:

— Должно быть сумасшедший..

В этом бессмысленном мире всякий мыслящий человек счита-

ется сумасшедшим. О чем думал инженер Джим Рипль, столь незаслуженно получивший ярлык сумасшедшего? Он продумывал детали своего изобретения, которое должно произвести революцию в технике для того, чтобы не было пролетарской революции. Как многие другие пацифисты вскорыленные капитализмом на рабочей среде, он боялся этой революции. Она ему казалась бессмысленной и кровавой...

И вот время опровергло его надежды. Изобретение, которое должно было произвести сенсацию, было обречено на гибель. Оно не смогло освободить рабочий класс от гибельного конвейера капиталистической эксплуатации, несущего ему гибель и вымирание. Наоборот, всемогущие магнаты капитала захватили в свои руки великое изобретение Джима Рипля, обернули его против рабочих и, нагло смеясь, как стадом слонов растоптали тело творца „механического человека“ стадам, этих ужасающих „роботов“. Так было конечно все, так погибла сенсация...

Но еще тогда, когда маленький карлик—„робот“ испытывался в рабочей

каморке Рипля, старый рабочий Джек (арт. Гардин) бросил в лицо Джиму презрительное и злое:

— Предатель!

Старый Джек оказался прав. Помимо своей воли, инженер Рипль стал предателем интересов пролетариата. Старик Джек оказался прав и в том, что пролетариат должен отнять у буржуазии ее технику, оказался прав потому что был марксистом.

Рабочие нашли способ управления „роботами“, они парализовали силу буржуазии—борьба вступила в новую решающую фазу. За ней следует пролетарская революция—таково значение интересной картины „Гибель сенсации“.

Г. Искров

ОБЪЯВЛЕНИЕ

12 октября в 11 часов утра в помещении клуба состоится пленум поселкового совета.

Повестка дня:

1. Ход выполнения решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР „Об отмене карточной системы“ и развертывании свободной торговли.

Доклад начальника ОРСа т. Володина, содоклады — зав. сектором общественного питания Левина и двух завмагов.

На пленум приглашаются: партийный, профсоюзный и комсомольский актив, а также желающие рабочие.

Поселковый совет

Врид. ред. Д. Бирбраер

Тип. „Гдов. кол.“ Зак. № 879
Уполн. Облгорл. № 518 Тир. 1000
Колич. знак. 65.448